

Евгений Бузни

ОТ ЭКВАТОРА ДО ПОЛЮСА

Рассказы

16+

Евгений Бузни

**От экватора до полюса.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бузни Е. Н.

От экватора до полюса. Сборник рассказов / Е. Н. Бузни —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Это книга рассказов в основном этнографического характера о природе и жизни детей и молодёжи Африки и Азии, Крыма, Москвы и Шпицбергена, где подолгу жил и работал автор. В первой книге рассказывается о традициях и обычаях простого коренного населения Судана, Пакистана, Индии. Во второй книге события происходят в Европе и России. Описываются почти всегда реальные истории с реальными людьми. Иногда персонажи и сюжеты вымышлены, но носят вполне реальный характер.

© Бузни Е. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Хартумский триптих	6
Джунгли Африки	9
Инта коис?	14
Камис	15
Мумкен	20
Гринди по-арабски бегемот	26
Таинственные холмики	28
Карачи город Калачи	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

КНИГА ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АРАБСКИЙ ЛЕКСИКОН

Хартумский триптих

Б а з а р

Мистер, мистер! Купите лимоны! – мальчик лет десяти догоняет сзади и дёргает за рукав.

В картонной коробке несколько десятков маленьких зелёных лимончиков. С разных сторон спешат ещё и ещё мальчишки. Лимоны в корзинах, лотках, тубетейках.

– Купите! Купите! Десять пиастров пять штук.

– Нет? Тогда пять пиастров десять штук.

– Сэр, бананы.

– Помидоры! Помидоры!

– Возьмите манго, с самого юга.

Базар в разгаре. Мясные ряды под навесом. Длинные вереницы коровьих, бараньих, верблюжьих туш. Овощи прямо на земле. Хочешь взять помидоры – переступи через картошку, лук, петрушку и длинные бледно-зелёные палки огурцов.

Арабы в белых джелабиях всегда рады покупателю:

– Эй, стой, не уходи! Не хочешь за двадцать? Что предлагаешь? Пятнадцать? Мало, а сколько берёшь?

И уже гремят тарелки на весах. Конкурентов десятки.

– Мистер! Мистер! – опять мальчишки.

Хватают из рук покупки и бросают к себе в корзину. Тот, кто покупает, ничего не должен нести, а им нужно зарабатывать.

Бамия – зелёные стручки, которые, когда их сварить, готовы расползтись, как студень. Бамия и фуль, напоминающая по вкусу нашу фасоль, горами лежат на столе. Это основная еда местного населения. Здесь же холмиками финики, ящиками апельсины, связками бананы, рядами манго.

Рыбный ряд. На земле лежат полуметровые искрящиеся рыбины. Их быстро разбирают, не дают портиться. Уж что-то, а рыбу здесь готовить умеют.

Шустрый паренёк, пробираясь между людьми, кочанами капусты, баклажанами, задев весы, обходя втиснувшийся в середину грузовик, чуть не натолкнувшись на морду осла, несёт поднос с чаем. Продавцы разбирают стаканы. Разносчик собирает медяки. Чай пьют все. Работы мальчишкам хватает.

А сверху плавится, раскаляясь, диск солнца. Быстрее покупайте всё необходимое: через тридцать минут уже не сможете спокойно ходить и выбирать продукты, а через час и не захотите их брать, вялые, подсохшие.

В е ч е р

Как только скрывается за горизонтом последний солнечный луч, город начинает отходить от дневной жары, пробуждается, потягиваясь, поднимается с тротуаров, выезжает из гаражей, заполняет улицы и магазины, включает сотни светящихся реклам, взбирается на плоские крыши, тёмные, как, впрочем, и внизу площадки открытых ресторанов, где, сев за только что вынесенный столик, вы, хлопая в ладоши, подзываете официанта и заказываете бутылку пива. Город начинает жить.

Больше всего людей на набережной возле Нила. В другой день здесь почти никого нет, но сегодня праздник, и сюда пришли со всех концов страны племена со своими товарами, песнями, танцами. Через толстые пожарные шланги поднимаются над Нилом веерные фонтаны

воды. По обеим сторонам улицы вытянулись выставочные стенды, павильоны, модели машин, макеты будущих отелей.

Здесь можно познакомиться с промышленной продукцией страны, с модами одежды, увидеть новые книги, попробовать национальные блюда. Под огромными деревьями, украшающими своими кронами всю набережную, продаются прохладительные напитки: каркаде, пепси, алкола. Машины с товарами медленно пробираются среди массы людей, толпящихся вокруг только что сооруженных эстрад, на которых мальчишки в жёлтых галстуках – лэндскауты уже настраивают гитары.

На площади перед зданием министерства большие группы окружают военные экспонаты, схемы сражений, макеты Голландских высот и Суэцкого канала. Египетские солдаты подробно рассказывают о войне с Израилем. Вопросов им задают много, отдыхать не приходится.

Раздаётся стук барабанов. На набережной появляются негритянские племена. Высокие мужчины и женщины с большими коровьими рогами на головах, с десятками колец на руках и ногах образуют круг. Начинается танец «Багара». Сильные, мускулистые фигуры то ходят по кругу, то сходятся и расходятся, энергично ударяя ногами о землю, будто пытаясь раздробить её мощными босыми ступнями. В центре круга «пастух» рубит воздух громкими ударами бича, подавая сигнал для смены движений. Ни секунды остановки, ни мгновения передышки.

А рядом другой круг. Там свой ритм, своя песня. На головах перья, в руках копья. И танцы всю ночь.

Малеш

Очень популярно в арабском мире слово – «малеш». В нём, как в зеркале, отражается одна из характерных черт жизни народа. Всё, что человека не беспокоит, а взволновать африканца трудно, всё – малеш, то есть пустяки.

Столкнулись две машины, помялись бока, остальное обошлось хорошо. Тот, кто больше виновен, высовывается из кабины, говорит «малеш» и первым уезжает.

У вас какая-то неприятность. Вы огорчены. Все сочувственно кивают головами и не забывают сказать:

– Малеш.

Зачем волноваться? Ведь всё когда-то пройдёт.

Мы быстро привыкаем к популярному слову, и сами часто применяем его в своей речи. Иногда это помогает.

Сын сторожа нашей виллы Мухаммед остался вечером дома один. Отец мало зарабатывает и теперь ушёл куда-то на ночную подработку. Восемилетнему мальчику страшно одному в маленьком тёмном доме без окон и света. Он выходит во двор, бродит вокруг нашего дома, чем-то сначала отвлекается, но потом садится на землю и начинает плакать, тихо всхлипывая. Потом всё громче и громче.

Наши женщины выносят Мухаммеду бананы, манго, включают на веранде свет, кладут на стулья матрац, стелют чистые простыни, уговаривают малыша поесть и лечь спать, но мальчика это только пугает, и он рыдает ещё сильнее.

Тогда выхожу я и говорю Мухаммеду:

– Ма-а-леш, – чуть растягивая «а», как это произносит его отец.

Я пытаюсь объяснить, что папа ушёл на работу и принесёт оттуда деньги, купит фасоль и сварит вкусную еду. Папа будет очень рад, если увидит, что его сын спит.

То ли магическое «малеш», то ли мои объяснения подействовали на мальчугана, но он перестаёт плакать.

Мы уходим, чтобы не смущать его.

Мухаммед съедает фрукты и засыпает, свернувшись клубочком на земле. Уже спящего его переложили в постель, где и застал его утром отец.

Когда мы рассказали ему о горьких слезах мальчика, он грустно улыбнулся и сказал просто:

– Ма-а-леш.

Джунгли Африки

Джунгли – это вечная тайна, скрытая, как за семью печатями, огромными листьями древовидных папоротников. Это эмбрион жизни на земле, незримо развивающийся в сумрачных чащах гигантов деревьев и густых сплетений лиан, время от времени питаемых долго не прекращающимися тропическими ливнями. Это лёгкие планеты, хрипло дышащие болью в наш технократный век, натужно, почти безнадежно борясь с кислотными дождями, ядовитыми газами и надвигающейся пустыней. Это, наконец, колыбель человека – гомо сапиенса, который, возмужав, поумнев, развившись в разумное существо, теперь уверенно губит своим разумом не просто колыбель, но источник своего бытия, до сих пор почему-то не иссякший, таинственный, прекрасный.

Я лечу из столицы Судана Хартум в один из южных городов страны Вау, что почти на самом экваторе. Под крыльями самолёта сначала долго светит в глаза жаркое солнце, отражаясь от песка пустыни, той самой знаменитой Сахары, которая настойчиво километр за километром отвоёвывает территорию у полупустынь, саванны и даже джунглей.

Мощный горячий ветер, называемый в этих местах «хабубом», несёт с собой тучи песка, заслоняющие собой солнце так, что день становится почти ночью. Пески хабуба добираются до самых отдалённых южных районов страны за тысячи километров, и тогда все жующие ощущают скрип песчинок на зубах, а все дышащие улавливают запах пустыни. Она наступает очень уверенно.

Только джунгли непреступной стеной стоят у неё на пути миллионы лет. И никогда не сладить бы с ними песку и ветру, если бы не пила и топор человека, сократившего свою опору и защиту без малого на две трети за каких-то несколько столетий бурной промышленной деятельности человека. Не будь полноводных рек да проливных дождей, давно погибли бы джунгли, а с ними и всё живое вокруг.

Но великий Нил несёт сюда свои благодатные воды папирусам и прячущимся под ними крокодилам, железным деревьям и соперничающим с ними по силе слонам, винтовым пальмам и важно шествующими под ними птицам марабу, скачущим как мячики газелям, ползающим змеям да варанам. Правда и над рекой нашёл человек управу.

Ещё во времена фараонов мечтал он о власти над могучими водами. Великий правитель Египта приходил раз в год к берегам Нила и бросал в его воды свиток папируса с приказом реке разлиться. Не понимали тогда фараоны природу движения реки, не могли в действительности ею управлять, но очень хотели сравниться с богами и пытались подстроиться к природе, будто бы подчиняя её себе.

Сейчас человек знает больше, и управлять реками на самом деле научился, только всегда ли с пользой? Вот вопрос.

В зимние по календарю месяцы над Суданом облака редки. С самолёта всё видно, что делается внизу. Огромна территория саванн, потому даже на скоростном самолёте кажется, что не летишь, а ползёшь над их бескрайними просторами.

И вдруг с высоты нескольких тысяч метров взгляд привлекают языки огня. Они рвутся к небу. Что это? То длинные на целые километры полосы пламени, то отдельные очаги громадных костров. Это горит саванна. Домики деревушек едва заметны с высоты, а огонь велик.

Нет, это не случайный пожар. Каждый год в период засухи, когда слоновая трава, как её называют, выросшая в период дождей до трёх-четырёх метров, начинает засыхать, её специально поджигают возле селений человека, чтобы отогнать прячущихся в ней змей и расчистить участки земли для посевов.

Огонь иногда не слушает человека и перекидывается на редколесье, где растут главным образом акации, пальмы да лофиры крылатые – небольшие деревца с пучками вечнозелёных

листьев. Это растение интересно не только тем, что его семена используются местным населением для изготовления масла, но и большой пожаростойкостью, так как, благодаря мощной корневой системе, наземная часть после обгорания быстро восстанавливается.

Когда едешь по такому месту после пожара, то видишь на разных уровнях от земли догорающие угольки веток. В ночной темноте они светятся ярко, подобно ёлочным фонарикам. Иногда эти фонарики оказываются очень большими и вдруг подлетают в воздухе и начинают перелетать с дерева на дерево. Тогда только догадываешься, что принял за светящиеся угольки глаза обезьян, с любопытством следящих за нарушителями ночного покоя.

С самолёта рассмотреть джунгли, конечно, невозможно. И вообще, по Африке лучше всего путешествовать пешком. Правда, это не всегда безопасно, точнее, там всегда нужно быть настороже.

Как-то мы небольшой группой шли гуськом за юным проводником, смуглым мальчугом из племени каква. Он повёл нас через сплошную стену высокой травы, раздвигая которую, ему удавалось по непонятным нам признакам видеть узенькую тропочку.

Неожиданно остановившись, он прислушался к чему-то, отодвинул слева от себя пучок стеблей и негромко произнёс одно слово «деиб». Нам уже было известно, что на арабском это означает «змея». Я находился рядом и смог посмотреть, куда указывала рука мальчика.

Внизу, буквально в полуметре от нас, свернувшись кольцами, лежала змея толщиной с хорошую руку и не менее метра в длину. По размеру и пёстрому рисунку с пунктирной линией на спине можно было определить в ней кассаву, или габонскую гадюку. Её ядовитые зубы вырастают до четырёх сантиметров и чрезвычайно опасны, несмотря на флегматичный характер их обладательницы. Правда, в тот момент её можно было не опасаться, так как челюсти змеи были заняты сдавливанием лягушонка, издававшего предсмертные звуки. Их-то и услышал наш маленький, но, видимо, опытный проводник.

Задержавшись возле змеи лишь на мгновение, мы тут же кинулись в сторону, забыв, что, бездумно убегая от очевидной опасности, легко наскочить на другую, которую не видишь. Змей в тех краях великое множество, а неожиданное быстрое движение инородцев может не позволить какой-то из них самой спастись бегством, и тогда она без предупреждения нападёт. Однако в тот раз всё обошлось благополучно, и мы вскоре очутились на свободном от травы пространстве.

Лэндровер с открытым, но довольно низким кузовом, в котором мы сидим, везёт нас в сторону Джубы. Прекрасная машина для путешествий по саванне. Проходимость высокая даже по песчаному грунту, а по дороге развивает скорость чуть ли не сто миль в час. Удивляет лишь беспечность местных водителей: аккумуляторы, как правило, не заряжены, поэтому заводить двигатель приходится рукояткой или же разгоняя машину подталкиванием сзади. То и другое во время остановок в джунглях весьма неприятно.

Однажды мы ехали по саванне ночью, и мотор лэндровера заглох. Все охотники, а это был охотничий выезд, соскочили на землю и, упершись в кузов руками, стали разгонять автомобиль. В этот момент совсем рядом раздалось грозное хрюканье, и надо было видеть, как мы буквально перелетели через невысокие борта в кузов.

К счастью, мотор машины успел завестись, и перепугавший нас, по всей видимости, кабан был теперь не опасен, но сердца наши ещё долго колотились тревожно.

Здесьние места интересны и с точки зрения истории. Ведь отсюда всего несколько часов езды до озера «Рудольф», вблизи которого кенийские и английские учёные обнаружили останки предка человека, ходившего по этой земле два с половиной миллиона лет тому назад. Быть может, этому нашему предку довелось видеть такие же растения, что видели мы.

Джунгли – самое древнее, что сохранилось до наших дней из растительного мира и почти в первозданном состоянии. Например, баобаб, который, правда, встречается преимущественно в саванне, по долгожительству уступит, пожалуй, только кедру. Возраст некоторых деревьев

определяют в пять-шесть тысяч лет, тогда как самому старому дедушке кедру, растущему на острове Якусима, насчитывают семь тысяч двести лет.

Зато в африканских джунглях можно увидеть родственника баобаба и самое лёгкое в мире дерево амбач, древесины которого в шесть раз легче коры пробкового дерева. Местные племена используют амбач, который растёт на берегах Нила, для изготовления поплавков. Может, и это дерево, несколько напоминающее по внешнему виду акацию, видели наши далёкие предки.

Хотя и жизнь многих племён мало в чём изменилась с тех пор. Мы останавливаем лэндровер, и нас окружают шедшие только что строем высокие юноши, у каждого из которых на лбу по несколько продольных полосок, говорящие о том, что их обладатели принадлежат к одному из многочисленных нилотских племён Динка. Стройные обнажённые тела исключительно чёрного цвета без намёка на шоколадный оттенок. Мускулы не выступают налитыми шарами, как у атлетов, занимающихся культуризмом, а вполне органично обрисовываются на сильных тренированных телах. В руке у каждого воина деревянное копьё с железным наконечником.

Здесь все ещё помнят войну южных нилотских племён с арабским севером Судана. Да и сейчас местные негры относятся весьма настороженно к грамотным арабам, приезжающим на юг начальниками. В любой момент негры готовы воссоздать военно-политический союз Анья-нья, распущенный в 1972 году. Тогда племена действовали как партизаны: внезапно налетали из леса на арабов, и копьями, стрелами, дубинками сражались с противником, хорошо вооружённым огнестрельным оружием.

Местные жители рассказывали нам, что по берегам рек летают мухи анья-нья, которые на большой скорости попадают прямо в глаз или на слизистый участок носа человека, где откладывают мгновенно личинки, приводящие впоследствии к слепоте жертвы, и будто бы партизан потому и называли анья-нья, что они действовали столь же быстро и фатально, как эти мухи.

Воины, которых мы в этот раз встретили, как, впрочем, и все местные жители, отнеслись к нам хорошо, с удовольствием позировали перед нашими фотоаппаратами и даже изобразили сцену боя.

Расставшись с ними, едем дальше, и через некоторое время догоняем двух грациозных девушек с кувшинами на головах. Они слышат звук догоняющей их машины, делают несколько лёгких быстрых прыжков вперёд, шаг в сторону на обочину и поворачиваются к дороге лицами, весело махая нам руками.

Коротенькие набедренные повязки – всё их одеяние. У каждой на груди цепочкой пупырышек изображено нечто вроде цветка. По этому рисунку я сразу определяю, что эти девушки из племени Джур. У мужчин линия таких пупырышек протягивается через весь лоб над бровями. Нанесение их на тело – операция довольно болезненная. Приходится несколько раз прокалывать кожу иглой в одном и том же месте для получения подкожного вздутия, которое сохраняется потом на всю жизнь. Из серии таких небольших вздутий от запёкшейся крови составляется рисунок на груди девушки и линия на лбу юноши.

Но в этот раз меня поразило не рисунком, а то, как стремительно и легко бежали девушки вперёд при нашем приближении. Мне кажется, что этот летящий шаг они переняли у газелей, которых здесь, кстати, очень много. Не зря ведь весь район назван Бахр-эль-газаль, что значит в переводе «море газелей».

Всегда днём или ночью можно встретить здесь этих грациознейших животных. Увидев приближающуюся машину, они могли бы умчаться сразу в чащу и скрыться, но они, напротив, неторопливо подняв головы, сначала оценивали спокойным независимым взглядом пришельцев и только потом вдруг начинали свой полёт вдоль дороги. Они именно летели, а не бежали или скакали. Казалось, они хотят соревноваться с вами в скорости. Но боже упаси вас остановить машину. Четвероногие красавицы мгновенно исчезнут, как, может быть, и те две

девушки, если бы мы остановились возле них. В этом я вижу удивительное слияние с природой племён, живущих в джунглях. Девушки учились у газелей.

Как-то мы ехали поздно вечером. Один из местных жителей, кажется, из племени азанде, попросил подвезти его к лесу. Одетый только в шорты, с копьём в руке, он хотел добыть себе на пропитание газель. Когда мы доехали до места, где охотник попросил остановиться, совсем стемнело. Он слез с машины, и не успели мы отъехать от него на приличное расстояние, как его смуглое тело буквально растаяло в темноте. Теперь, прислонившись к дереву, он станет ожидать появления на небе луны, в свете которой, оставаясь сам незамеченным, он увидит пасущихся животных и дожждётся их приближения или же подкрадётся сам и метнёт копье.

Это джунгли. Жизнь в них не меняется тысячелетиями. Женщины у тростниковых хижин всё так же толкут дурру в деревянных ступах. Огонь, как в доисторическое время, раскладывается рядом с хижинкой и только в период дождей заносится внутрь в круглое, уходящее вверх конусом жилище, где постелью прямо на земле служит шкура зверя, а из предметов утвари ничего, кроме наконечников копий, стрел, ножей да рыболовных крючков не увидишь в этом предельно скромном жилище, забраться в которое можно лишь на четвереньках.

От Джубы, где заканчивается горный район, до Малакаля, образуя огромную речную петлю, течёт на север Белый Нил, называемый здесь Бахр-эль-джебель. Выйдя на равнину, воды величественной реки замедляют свой бег, часто выходят из берегов, широко разливаются на многие километры, превращая окружающую местность в гигантское болото.

Это происходит и от систематического подъёма уровня воды в летние месяцы, и от постоянных запруд, которые легко образуют, свободно плавая по реке, папирус, использовавшийся некогда в древности в качестве материала для письма, и латук, известный в некоторых местах, как хорошая составная часть салата.

Эти и другие травы оказываются достаточно сильными, чтобы своим скоплением перегородить и остановить мирно текущие воды Белого Нила. Разливаясь, богатая наносами вода прекрасно насыщает почву, позволяя вечно существовать на ней джунглям, их бесчисленным растительным и животным обитателям.

Джунгли здесь практически непроезжимы. Но и богаты же они своим разнообразием. Одни названия деревьев чего стоят: красное, чёрное эбеновое, железное, шерстяное, хлебное, масляное. В сени этих гигантов можно встретить крокодилов и бегемотов, буйволов и леопардов, слонов и носорогов, львов и гепардов, тысячи обезьян, сотни видов птиц: страусов, марабу, аистов, пеликанов – это необыкновенный, медленно уходящий от нас в небытие мир природы. Уходящий, потому что человек неустанно губит всё то, что некогда его породило и что служило ему верой и правдой.

Далеко на севере африканского континента, в Египте, где давно нет уже фараонов, продолжают командовать Нилом современные властители. Но теперь они уже не бросают папирус в воду с приказом реке разлиться, как это делали их далёкие предшественники. Напротив, сегодняшние правители хотят запретить его водам разливаться в верховьях реки, чтобы Нил доносил до Египта больше воды, так недостающей ему для развития мощной промышленности. С этой целью планировалось строительство канала Джонглей, который должен был срезать великую петлю от Джубы до Малакаля.

И не стала бы вода разливаться по равнине от травяных запруд, быстро высохли бы болота, а с их уходом исчезли бы джунгли, ушли звери, улетели птицы, покинули бы места поселений племён людей, живущие до сих пор патриархально-родовым строем.

И явились бы на смену им пески пустыни. Воды Бахр-эль-джебеля, теряющие почти половину своего объёма, растекаясь на территории в шестьдесят тысяч квадратных километров, может быть, стали бы терять меньше, позволяя северянам вздохнуть чуть легче первые десятки лет, но при этом навсегда исчез бы с лица земли ещё один уголок прекрасного, таинственного,

живого мира, позволяющего землянам радоваться красоте и разнообразию природы. Меньше станет радости, меньше свежего воздуха, меньше легенд и сказок, если уйдут джунгли.

Инта коис?

Юг страны приятно удивляет своими людьми, многообразием племён, их обычаями, но, прежде всего, необыкновенной приветливостью местного населения. Где бы мы ни оказались, куда бы ни завез нас выносливый лэндровер, всюду встречаем радостные лица. Хорошо ли одеты эти статные, высокие люди или только с набедренной повязкой, несут ли женщины кувшины, идут ли мужчины с копьями или дубинками, всегда, встречая русских, они останавливаются, улыбаются, и приветственно машут руками.

Совершенно незнакомые арабы подходят, здороваются за руку и спрашивают: «Инта коис?», что означает: «Тебе хорошо?». Не случайно эти арабские слова выучиваются нами прежде всего.

Шестилетний негритьёнок Камис из племени занди приходит к нам почти каждый день, протягивает вперёд руку и с самым серьёзным видом спрашивает:

– Инта коис?

А если спросить Камиса, хорошо ли ему, он почти всегда восторженно восклицает:

– Ана коис!

то есть «Мне хорошо». Но иногда, если ему очень хочется есть, он грустно показывает на живот, который был целый день пуст и говорит:

– Ана ма коис.

Мы уже понимаем, что ему теперь совсем не хорошо и кормим мальчика. Тогда опять он радостно говорит:

– Ана коис.

Слово «коис» здесь часто употребляют в разговоре. Даже когда гибнут родственники или близкие.

– Что же тут хорошего? – спрашиваем мы и слышим печальное и утвердительное «коис».

Нам объяснили, что если умер человек из племени баланда, то три ночи подряд будут стучать в посёлке барабаны, а племя будет танцевать, провожая душу умершего. Потом на могилу поставят чашу с водой и пищу, чтобы не голодала душа в дороге. Коис.

Но есть такие моменты, когда это слово не произносят совсем. Мало школ на юге – плохо. Почти нет транспорта – плохо. Еды мало – плохо. Болезней много – плохо. И вот с надеждой смотрят на нас африканцы и спрашивают:

– Инта коис? – ожидая утвердительного ответа, потому что они знают: если нам хорошо, им тоже будет хорошо и всем будет хорошо. Коис.

Камис

Мы сидим на маленьком деревянном мостике на реке Суэ и удим рыбу. Небо, как всегда в эту зимнюю пору центра Африки, совершенно безоблачное. Солнце хоть и близится к закату, но все еще печёт нещадно. Мы то и дело прикладываемся к бутылкам с водой. Двухметровый тростник на противоположном берегу реки шумно вздыхает и наклоняется к нам, придавливаемый какой-то невидимой силой. Нет-нет, да и взглянешь лишний раз в ту сторону, чтобы убедиться снова в том, что там никого нет и только ветерок проскальзывает, оживляя тростниковые заросли, да покрывая рябью спокойную гладь реки.

Над самой поверхностью медленно движущейся воды проносится небольшая птица. Я давно приметил её по треугольным крылышкам, которые очень напоминают салфетки, отороченные по краям белой бахромой.

Но особенно засматриваться на природу сегодня некогда: клёв уж очень хороший. Даже наш маленький шестилетний друг Камис ухитрился поймать трех карасей, всякий раз при этом так крича и радуясь, словно вытаскивал целого крокодила. А они, между прочим, здесь водятся. Правда, не в эту пору, а в период дождей, когда уровень воды в реке поднимается на полтора-два метра и мостик, с которого мы сейчас закидываем удочки, скрывается почти полностью под пенящимися волнами. Говорят, однажды в этом месте крокодил утащил в воду корову, подошедшую слишком близко к реке.

Электрик Джозеф рассказывал мне ещё более страшную историю, случившуюся до нашего приезда. Один англичанин со своей молодой женой решил покататься на лодке. А надо сказать, что местные племена используют для передвижения по реке каноэ – чрезвычайно неустойчивую в воде посудину. Англичанин как-то приспособился управляться с шестом, и они раскатывали посередине реки, когда его жене захотелось остудить в воде разогретые палящим солнцем ноги. Не успела она, как следует, поболтать в воде одной ногой, как тут же, схваченная неожиданно появившимся крокодилом, была словно сдунута ветром с каноэ и без единого крика погрузилась в воду.

Англичанин инстинктивно отпрянул в другую сторону, чтобы сохранить равновесие, и буквально чудом не перевернулся сам. О спасении жены не могло быть и речи, так как у англичанина не было никакого оружия, а вода в реке текла настолько мутная, что невозможно было хоть приблизительно увидеть, где идёт борьба и идёт ли она вообще.

Я с трепетом вспоминаю этот рассказ, опасливо посматриваю по сторонам даже сейчас, когда вода в реке настолько прозрачная, и её так мало, что в отдельных местах мы отчётливо видим стайки рыбок и забрасываем туда крючки с червями, можно сказать, прямо в рыбы рты.

Камис сидит рядом со мной, сосредоточенно следя за поплавком. Голова с короткими курчавыми чёрными волосами наклонена немного вперёд. Он нетерпелив и часто поднимает удилище раньше времени. Мне хочется поговорить с этим мальчуганом, и я, используя те немногие слова арабского лексикона, которые успел выучить, спрашиваю:

– Камис, ты кто? Из какого племени?

– Я занди, – гордо отвечает он. – Мой папа занди и мама занди.

– Значит, ты ням-ням? – говорю я, вспомнив, что именно людей племени занди племя динка прозвало людоедами, что на их языке и звучит «ням-ням».

– Да, я ням-ням, – соглашается Камис, – могу съесть тебя и его, и всех. – Он обводит кругом рукой, потом делает вид, что хочет укунить меня.

Мы оба хохочем, я отбиваюсь от него рукой, и вдруг Камис становится серьёзным:

– Мы не едим людей. Занди никогда не ели людей. Человека есть нельзя.

Я вижу, что он собирается обидеться и уже совсем нахмурился.хлопаю его легонько по спине и говорю:

– Инта коис, Камис. Ты хороший. Все занди хорошие. В Африке все люди хорошие.

– Нет, не все, – не соглашается он. – У меня денег нет – я хороший. У других денег много, они кушают много – они плохие.

Он тычет в меня пальцем и продолжает:

– Ты хороший. Ты мне кушать даёшь. Все русские хорошие. Они любят негров. Я поеду в Москву.

– Когда ты собираешься в Москву? – интересуюсь я.

– Ты поедешь и я с тобой.

– А что ты там будешь делать, Камис?

– Работать. Я всё умею. Я буду помогать тебе.

– Там надо учиться, – говорю я.

– Я хочу ходить в школу. Я буду всё знать. Потом я стану большим человеком.

Смотрю на Камиса, на его рванные штанишки, сквозь дыры которых просвечивает чёрное блестящее тело, на его решительное выражение лица. Скажите ему сейчас: «Поехали!», и он, не задумываясь, залезет в чемодан, чтобы, как он говорит, его никто не заметил и не задержал.

Смотрю на него и появляется огромное желание действительно взять с собой этого мальчишку, вымыть, одеть, показать ему великие города, отвезти в пионерский лагерь, чтобы увидеть настоящую радость в его огромных глазах, не знавших такого счастья.

Я выхожу из дома с фотоаппаратом на груди: решил прогуляться. В стороне от дороги поднимается столб пыли. Это Камис, заметив меня, уже мчится сопровождать, куда бы я ни пошёл. И вот запыхавшийся, радостный он шагает рядом, поднимая босыми пятками пыль.

В руке у него плод манго, ещё немного зеленоватый. Но это не беда. Многие любят манго слегка недоспевшим, когда плод ещё не такой приторный.

Камис всё время что-то говорит, размахивая руками и не дожидаясь моего ответа. Вдруг он резко опускает руку с манго и опасливо смотрит вверх. Над нами пролетает орёл. Вижу лицо Камиса, на мгновение ставшее сердитым, и начинаю хохотать.

Камис, мой смыслённый маленький друг Камис, мгновенно расплывается в улыбке и смеётся со мной, понимая, что мы оба вспомнили вчерашнюю историю. Это было необычно и удивительно для нас.

Мы разделяли свинью. Это настоящий праздничный день для нас, так как с мясом в этих местах не очень хорошо – дорогое и не всегда уверен, что хорошее. А тут наш вечный спаситель Фильберто, выполняющий помимо многочисленных обязанностей в канисе (католическая церковь) ещё и роль заведующего хозяйством, продал нам весьма дёшево целую свинью.

На отходы слетелись со всех сторон огромные грифы с длинными голыми шеями. Пока тушу смолили и резали, грифы сидели на краю крыши соседнего домика, выделяясь чёрными силуэтами на фоне яркого синего неба, переминаясь с ноги на ногу, иногда нетерпеливо перелетая с места на место.

Высоко в совершенно безоблачном небе можно было заметить чёрные точки. Это парили орлы. Их тоже заинтересовали приготовления внизу.

И вот, как только всё ненужное людям оказалось в железной бочке, грифы принялись за свое дело, опуская головы на длинных шеях прямо в бочку, вытаскивая кривыми клювами содержимое, выхватывая куски друг у друга. Но птицы неповоротливы и довольно медлительны. Этим пользовались орлы, со свистом проносящиеся над опрокинутой уже бочкой и на лету выхватывающие из-под носа у грифов лакомые кусочки. Грифы бесспорно сильнее орлов, да и крупнее их, но орлы выигрывают за счет своей смелости и скорости.

Мы с любопытством наблюдали за птицами. Камис, всё время помогавший нам что-нибудь приносить и уносить, получил, наконец, ломоть хлеба и большой кусок еще горячего мяса. Выйдя из дома, радостно улыбаясь, он положил мясо на хлеб и понёс его ко рту, когда

что-то просвистело над ним, обдало ветром, и в руках его остался только кусок хлеба, а мясо уже было высоко в когтях орла.

Камис растерянно смотрел на хлеб и улетающую птицу, всё ещё не веря, что мясо, которое он держал в своих руках и готов был уже съесть, украдено самым невероятным образом.

Даже издававшие виды негры хохотали, наблюдая эту картину, а Камис, постепенно придя в себя, тут же побежал к нам и, отчаянно жестикулируя руками, начал объяснять, что произошло, и что он не виноват, и что поэтому ему нужно дать ещё мяса, а то он голодный, и что он теперь не выпустит кусок, а если орёл налетит, то он его стукнет или схватит за крыло.

Теперь Камис даже манго прячет от орла, но это уже перестраховка – орлы манго не едят.

– Маши вен? Куда идешь? – спрашивает Камис. – Хочешь покажу, где мой дом?

Я сразу соглашаюсь. Давно собирался посмотреть, где он живет. Мы покидаем наш поселок. Тропинка ведёт вдоль реки. Пейзаж в общем-то унылый. На сухой пыльной земле торчат чахлые кустики, выгоревшие на солнце и потому почти лишенные зелени. Кое-где разбросаны деревца, не дающие ни тени, ни плодов. Где-то в стороне торчат две высокие голые пальмы с большими листьями на вершине. Недалеко от них важно прохаживаются марабу. Наше появление их несколько не беспокоит.

Хоть я стараюсь быть всё время начеку, но Камис первым замечает змею, хватается за камни и начинает атаку. Змея быстро уползает. Я пытаюсь остановить Камиса, но это не так легко.

Наконец, он кричит весело:

– Халас, нум

что значит «Всё. Мёртвая», и довольный догоняет меня.

Идти приходится долго. Оказывается, его деревня километрах в четырёх от консервного завода. Вот почему Камис часто остаётся ночевать в посёлке, особенно, когда мы показываем на улице кино или поздно возвращаемся с рыбалки. В такие вечера Камис ходит у нас под окнами и громко свистит или поёт, напоминая о себе и о том, что он хочет есть.

Тропинка огибает длинный ров, заполненный водой. Камис предлагает спуститься и перейти через воду, но я отказываюсь от такого удовольствия. Здесь в Африке всё может обернуться самым неприятным образом. Во-первых, неизвестно, какая глубина воды, во-вторых, вода стоячая, а как мне рассказывали, в такой воде развиваются микроорганизмы в виде тонких иголочек, которые легко проникают в организм человека через кожу и впоследствии парализуют всё тело. Так что теряем время, но обходим препятствие. По другую сторону рва появляется великолепная манговая роща. Под её тенистыми кронами и спряталась деревня Камиса.

Он сейчас весел и всё время рассказывает мне о том, как он будет жить в Москве, как заберёт туда маму и папу.

Кстати, меня очень интересовало, кто же на самом деле его родители. Дело в том, что Камис время от времени приходил к нашему дому то с каким-нибудь слепцом, то с хромым мужчиной, то с одной, то с другой женщиной, уверяя нас, что это именно его папа или мама и просил для них чего-нибудь поесть. Не верить ему всякий раз было трудно, так убежденно он доказывал, что не обманывает. Но и поверить ему в то, что у него столько родителей тоже было невозможно.

Может быть, это и впрямь были его родственники, но подозреваю, что он просто приводил с собой знакомых, искалеченных болезнями людей, пользуясь нашим хорошим отношением к нему, накормить и других.

Камис очень добр, и он хочет всегда сделать нам что-то приятное за то, что мы кормим его. Иногда его доброта оборачивалась для нас боком.

У нашего инженера-электрика, работавшего на заводе, маленькая пятилетняя дочь. Камис на год или два старше. Как-то раз он принес ей красивую косынку. Трудно было сказать, откуда он её взял, так как он довольно уверенно подарил её Аллочке и сказал, что это для неё.

Никто тогда особенно не задумался над тем, где он мог достать хоть что-нибудь. Решили, что где-то выпросил для девочки, но вскоре пришла целая делегация местных девчонок больших и маленьких. Они, во-первых, поймали Камиса и привели его с собой.

Сначала они долго шумели, потом Камис, подчиняясь, видимо, их воле, позвал Аллу и сказал, чтобы она вернула косынку. Разыгралась целая трагедия, так как малышка не хотела расставаться с подарком. Но девочки все в один голос стали кричать, что Камис плохой, он вор и его не надо тут кормить.

Косынку, конечно, вернули владелице, а Камис после этого несколько дней ходил в стороне от нашего дома, обиженно посматривал на нас за то, что и мы его поругали. Но обида скоро прошла, и он опять стал ходить с нами на рыбалку и гордо носить ведро для рыбы. Это он считал своей прямой обязанностью и, если догонял нас по дороге на рыбалку, первым делом забирал ведро.

Иногда во время рыбалки он был просто незаменим. Если крючок с леской цеплялся за подводный камень, Камис деловито спускался с мостика на берег, снимал с себя трусики, заходил в воду, для чего-то затыкал уши пальцами и скрывался под водой. Там он, естественно, руки от головы отнимал и начинал шарить ими в мутной воде по дну. Если не удавалось сразу отцепить крючок, Камис поднимал голову над водой, отдувался, как паровоз, и снова нырял.

Он ничего не боялся, а ведь знал, что именно здесь мы вылавливаем электрическую рыбу карабу и калям-калямок с острыми твёрдыми плавниками. На самом деле рыбы так не называются. Просто «караба» переводится как электричество. Вот и называем этим словом электрическую рыбу. А «калям» в переводе означает «разговаривать». Когда кто-то много говорит не по делу, мы комментировали словами «калям-калям», подразумевая, что это пустая болтовня. А к рыбе это имеет прямое отношение, так как, поймавшись на крючок и оказавшись над водой, эта рыбка начинает издавать трескучие звуки, типа «чи-чи-чи», словно начинала говорить. Вот её и прозвали «калям-калям», то есть рыба-болтуня.

Электрическая караба доставляла немало беспокойства, когда попадалась на удочку. Прежде всего, её не просто было вытащить, не оборвав леску. Но ещё труднее оказывалось снять с крючка. Всякое прикосновение к ней давало себя почувствовать из-за внушительной порции электрического разряда.

Камис бросался первым отцеплять карабу. Но делал он это не всегда ловко и, получив удар хвостом или просто нечаянно прикоснувшись к рыбе, он тут же отскакивал, сконфуженно улыбаясь, но через секунду предлагал другой вариант, как отцепить рыбину. Каждый раз при этом он хорошо знал, что добыча достанется ему, так как мы не ели эту рыбу – в ней толстый слой жира и почти нет мяса, как нам казалось. Но местное население, и особенно Камис, едят её с удовольствием.

Тропа, по которой мы шли, вступила в манговую рощу. Она, оказывается, очень большая, и довольно много аккуратных тростниковых хижин укрылось под густыми кронами огромных деревьев с висящими повсюду на длинных шнурах стеблей плодами манго. Сюда почти не проникают солнечные лучи. Выложенные камнями дорожки пролегли между рядами хижин. Такого я ещё нигде не видел. Мне кажется, я попал в райский уголок, где всегда цветут цветы и поют прекрасные птицы.

На одном из деревьев вижу маленьких обезьянок. Кругом чистота и покой. Я словно бог вступаю на райскую землю. В руке у меня посох, точнее хорошо обработанная дубинка из красного дерева, с которой я, как и местные жители, стараюсь не расставаться. Уже не раз прикидывал, как я ее возьму с собой, когда буду уезжать.

Первые минуты я даже забыл про фотоаппарат и ничего не снимаю. Но вот к нам со всех сторон начинают подходить люди. Кажется, все из племени баланда. А нет, вижу высоких стройных негров племени динка, вот и занди.

Начинаю фотографировать. Грудь девушек обнажены, но юные прекрасные леди не стесняются и с удовольствием позируют. Деревня далеко от города и сюда, очевидно, не дошёл пока указ, запрещающий ходить без одежды.

Рослые парни подходят ко мне, ощупывают мою дубинку и одобрительно говорят:

– Эсая коис. Хорошая палка.

Да, хорошая. Но я смотрю на их руки и вдруг замечаю, что у одного, второго, третьего не хватает пальцев, кистей или даже руки. Оборачиваюсь и смотрю вокруг: холодный пот выступает у меня на лбу.

Все они калеки. Прекрасные девушки, позирующие перед моим аппаратом, тоже страдают отсутствием пальцев на руках и ногах.

Мгновенно я всё понял. У больных проказой постепенно отмирают конечности. Это была деревня прокажённых – лепрозорий.

Вспомнились страшные рассказы об ужасной болезни. Прокажённых свозили раньше на отдельные острова, чтобы изолировать от людей здоровых. Об этой деревне мне рассказывали, но я не предполагал, что она совсем рядом от нас.

Инстинктивно делаю шаг в сторону от подошедших ко мне людей. Камис удивлённо смотрит на меня, а я, силясь улыбнуться, говорю им:

– Масалама, масалама! – что означает «до свидания».

Они, улыбаясь, прощаются со мной, протягивают на прощание руки, без пальцев, просят приходить ещё. Почти бегом я прохожусь через деревню. А в голове одна мысль: «Больных проказой не выпускают из страны, не выпускают». Мчусь к реке. Навстречу поднимаются два пожилых негра. На всякий случай спрашиваю их по-английски, почему в деревне так много калек. Ещё теплится надежда, что всё не так, как я подумал. Может, я ошибся.

Один из негров знает английский язык и отвечает спокойно и коротко:

– Лепрози.

Проказа.

Я спускаюсь к самой воде реки. Моя прекрасная палка эсая летит далеко в воду, и я смотрю, как она медленно уплывает, унося с собой страшную память о прокажённых.

Рядом со мной стоит Камис. Он догнал меня и всё так же удивлённо смотрит, не понимая, почему я так быстро ушёл.

Бедный Камис. Перед нашим отъездом мы увидели у него на ноге у самой ступни повязку. В тех местах это означает одно, что болезнь перешла от родителей к сыну. Теперь ему никогда не попасть в Москву. Ему никогда не выбраться из этой деревни, и он не станет большим человеком. Но я увез с собой в памяти его глаза, его страстное желание быть вместе с нами. Это желание всего народа. И я верю: придет время, когда дети Африки будут счастливы и не будут знать, что такое проказа.

Мумкен

Мистер Женья! Мистер Женья!

— Я откладываю книгу (рассказы Мопассана о его путешествии по Африке), поднимаюсь с кресла и выхожу на зов. Перед нашей верандой стоит Питер, высокий худой мальчик. Ему одиннадцать лет. Это мой второй друг после Камиса. Он тоже часто ходит с нами на рыбалку.

Питер менее подвижен и кажется менее смышлёным, чем Камис. Зато уж если он вызывается помочь в чём-нибудь, то помогает довольно хорошо. Ему можно даже доверить помыть свою тарелку после еды. Камис же может с радостью взяться за любое дело, в том числе за мытьё посуды или пола, но из этого ничего хорошего не выходит, ибо его энтузиазма хватает самое большее на минуту, а потом всё идёт тяп-ляп.

Питер однажды принёс мне в знак дружбы один из маленьких зубов бегемота, который теперь мне служит подставкой для ручки. Теперь здесь, в России, она всегда напоминает мне об этом мальчике.

Сейчас Питер говорит:

— Мистер Женья, инта мумкен маши хинак.

Я понимаю, что он приглашает меня куда-то пойти. Который раз благодарю себя за то, что, приехав сюда, уделил много внимания изучению арабского языка и в короткий период научился кое-что понимать и даже говорить.

В этот раз Питер, оказывается, звал меня посмотреть танцы племени динка, которые они начали исполнять метрах в трёхстах от нашего дома под громкие неустанные звуки барабанов.

День только-только начинал клониться к вечеру, и было ещё совсем светло, поэтому я скорее взял кинокамеру и фотоаппарат, чтобы запечатлеть экзотическое для нас зрелище.

Приглашая, Питер сказал магическое слово «мумкен», то есть «можно». Как я люблю это слово особенно здесь, в Африке. Оно как пропуск или даже пароль, без наличия которого можно оказаться в неприятном положении, если не хуже. Как-то я решил обойтись без него и очень скоро пожалел об этом.

Вышло это так. Пошли мы рыбалить на озеро вдвоем — два русских инженера и я. Точнее мы поехали на лэндровере, так как до озера было километра три. Озеро небольшое, но мы частенько ездили или ходили к нему, поскольку в нём водится много карасей. Подойти к воде можно лишь в нескольких местах, так как всё озеро окружено высоким тростником, а берега почти везде илистые. Обычно мы устраивались в одном и том же месте под небольшим крутым скосом земли. А наверху над этим местом, чуть-чуть подальше, расположилось не так давно какое-то кочевое негритянское племя.

С рыбалкой у меня не ладилось: всё время приманка исчезала на пол секунды раньше, чем я успевал подсечь. Я было начал расстраиваться, как вдруг вижу: с горки спускается с железным ведром прямоугольной формы, которое здесь называют софия, высокая девушка.

Босиком, с тряпицей, обвязанной вокруг талии, вместо юбки, с бусами, свисающими на обнажённую грудь, она шла прямая, как пальма, нимало не смущаясь нашим присутствием.

Подойдя к небольшому заливику, она поставила софию на землю, достала из неё маленький черпачок и стала набирать им воду прямо из озера.

В восторге от возможности сделать хороший снимок, бросил своё удище, схватил фотоаппарат и напрямик направился к ней, чтобы сфотографировать крупным планом. Однако девушке эта затея, видно, не очень понравилась. Сначала она, правда, улыбнулась мне, но при виде нацеливающегося на неё объектива сразу нахмурилась и закачала головой.

Побоявшись, что девушка резко запротестует или отвернётся, быстро нажимаю на спусковую кнопку. Щелчок пришёлся явно не по вкусу африканской мадонне, она посмотрела на

меня совсем обиженно, ничего не сказав, поставила себе на голову софию с водой и неторопливо стала подниматься по тропе.

Больше я не рискнул фотографировать её, так как мои товарищи, прожившие здесь несколько больше, чем я, стали убеждать меня, что я поступил опрометчиво, не спросив её разрешения сделать снимок.

– Мумкен? надо было спросить, мумкен? – смеялся Анатолий Иванович. – Здешние племена не всегда любят позировать. Многие из них полагают, что вместе с фотографией у них забирают удачу и счастье. Наживёшь ты себе горя со своей экзотикой.

Я начал оправдываться, когда вдруг мы услышали какой-то шум наверху. Крики доносились со стороны того места, где расположилось племя. Меня, как предполагаемого виновника, послали осторожно узнать, в чём дело.

Поднявшись на пригорок, я убедился, что из-за высокой травы видна только верхушка хижины. Пришлось залезть в кузов лэндровера и наблюдать оттуда.

Увиденное несколько обеспокоило меня. Перед хижиной стояла девушка, которую я сфотографировал, а несколько женщин, как мне показалось, более пожилого возраста размахивали руками и что-то кричали ей. Тут же стояли и мужчины с копьями и дубинками на плечах.

Собирались ли они к нам, не знаю, но эта картина не обещала ничего хорошего, потому я быстро спустился к нашим, и мы на всякий случай свернули удочки, сели в спасительный лэндровер и укатили восвояси.

Спустя несколько дней, мы опять приехали к этому озеру. Уж очень хороший там был клёв. Немного погодя, пришла опять за водой та же девушка.

Ну, то ли у племени всё обошлось хорошо, и всякие опасения у них прошли, то ли ещё почему, однако она уже не смотрела на меня так хмуро. Правда, она вообще ничего нам не говорила, грациозно опустилась к воде, напилась из своего черпачка, затем скинула своё подолбие юбки и пошла купаться.

Нам оставалось только завидовать ей, поскольку, какая там ни жара под сорок градусов, а лезть в воду мы не решались.

Вскоре за водой пришли ещё две девушки, пожалуй, помоложе первой. У одной на шее висели белые бусы, у другой на длинном шнурке было что-то вроде зубов небольшого зверя.

В этот раз я не забыл спросить:

– Сура мумкен?

То, что я просил разрешения сфотографировать их, они, может, и не поняли, так как только улыбались и что-то отвечали на непонятном нам языке.

Я всё же сделал великолепный кадр и, кажется, все остались довольны. Да, это племя не знало арабского языка, как и многие другие кочевые племена, не имеющие обычно дела с арабами.

Товарищи мои по рыбалке, увидев миролюбиво настроенных девушек, тут же поспешили присоединиться к ним для общей фотографии, не забыв несколько раз сказать магическое слово «мумкен», хотя аборигенки, насколько я понял, его не знали. Тем не менее, в этот раз всё прошло без эксцессов.

Делая крупные шаги, Питер важно шагает возле меня. Я тороплюсь. Танцы обычно длятся долго, но скоро стемнеет, и тогда нельзя будет снимать.

Подходим к высокой пальме, под которой стоит единственная в посёлке двухэтажная хижина. Это своеобразный клуб племени динка. Нижняя часть её обтянута чем-то типа плетёной рогожи. Вокруг сделан неширокий навес, опирающийся на толстые кривые брёвна.

При виде меня с камерой в руках десятка полтора смельчаков забираются на козырёк и замирают без движения в ожидании фотографирования.

Я охотно снимаю фотоаппаратом и затем прошу двигаться, так как начинаю снимать кинокамерой. Но при виде нацеливающейся на них камеры они опять застывают, не понимая, почему я кричу им «мумкен маши» то есть «можно идти».

Что же касается остальных, тех, кто находится внизу, то они неустанно пляшут. Старик Джозеф колотит во всю то палкой, то ладонью по большому барабану, висящему на коряге.

– Там-там-там, – несётся его звук.

Джозеф работает сторожем на заводе и является постоянным барабанщиком на всех праздниках племени динка.

На той же коряге висит второй барабан, поменьше первого. По нему стучит помощник Джозефа. Видя, что я начал снимать танцы, барабанщики ускоряют темп, кажется, до невозможного. Я снимаю и про себя удивляюсь, как можно выдерживать такой темп и так долго.

Танцуют все. Тут и мальчишки, озорные и весёлые, полностью подражающие в своих танцах своим отцам, стараясь прыгать вверх как можно выше. Ведь именно танцы племени динка отличаются высокими прыжками. Даже самые маленькие девочки лет пяти-семи танцуют, бегая вприпрыжку по кругу вместе со всеми.

Высокий динка, выделяющийся ростом даже среди своих высоких соплеменников, в длинной полосатой рубашке с дырой на спине, движется мелкими шажками, изредка наклоняясь то вправо, то влево, и затем подпрыгивая, но не так часто, как это делают мальчишки.

Здесь же заведующий складом готовой продукции завода. Он начальник, и одежда его соответствует должности. Все мужчины в основном босиком, в шортах и светлых или серых рубашках, а у него на ногах туфли, поверх тёмных брюк аккуратная белая в полоску рубаха, застёгнутая на все пуговицы.

Женщины более степенны в танце, но также веселы и неустанны. Их одежды яркие и разнообразны. В основном это платья типа сарафанов или кофточки и юбки. Руки до плеч у всех открыты. Многие на запястьях носят белые костяные кольца. На правых локтях у всех женщин и девочек привязаны шерстяные султанчики, напоминающие хвосты зверей и очень эффектно взлетающие вверх во время быстрых движений рук.

Среди этой пестрой толпы выделяются две фигуры. Одна – это старик в брюках и серой рубашке, поверх которой на спину наброшена чёрная меховая шкура какого-то зверя. Видимо, он олицетворяет чудовище. Вторая фигура – женская. Старуха, обнажённая до пояса, идёт против движения общего круга. Её тощие высохшие груди взлетают вместе с дешёвыми деревянными бусами, представляя весьма неприятное зрелище. Она толкает то одного, то другого танцора, стараясь обратить на себя внимание каждого.

– Она пьяная, – объясняет, мне Сэбит.

Сам он из племени каква и не принимает участия в праздниках племени динка.

А вот и причина сегодняшнего барабанного боя. Старик со шкурой на спине поднимается на небольшое возвышение над землёй, покрытое кусками материи, прижатые по краям камнями, чтобы не сдуло ветром. Это могила умершего сорок дней назад молодого парня. По обычаю его душу провожают в день смерти, через десять и через сорок дней. Полагают, что в эти сроки душа проходит определённые этапы пути на небо.

Круг танцующих идёт теперь вокруг могилы. Плёнка в моей кинокамере закончилась и я ухожу, а то бедный Джозеф, кажется, не прекратит барабанить пока я здесь. Надо же ему и отдохнуть.

А через несколько дней нам предстояло быть свидетелями ещё одного праздника, но более крупного. Выходила замуж дочь директора завода Рита. Ей девятнадцать лет, но она ещё учится в десятом классе. Ей не хочется пока связывать свою жизнь семейными узами. Она мечтала закончить школу и, может быть, учиться дальше, но отец решил не откладывать.

Нашёлся подходящий жених, немолодой, но богатый, капитан армии с перспективой роста. Он платит за Риту пятьсот фунтов. Для здешних мест, где минимальная плата за невесту двадцать пять фунтов, это большая цена.

Отец Риты Джозеф Тумбара человек тоже богатый и известный. Он был членом Суданского парламента. В честь его отца, предводителя племени занди, назван город Тумбара. У Джозефа несколько жён. Две из них живут здесь в посёлке в доме Риты. Она рассказывала нам, что у неё две мамы. То, что нам кажется странным, для Риты вполне естественно. И две мамы в доме, и замужество по решению отца.

Я представляю себе Риту так, как привык обычно видеть её, когда при встрече со мной она широко улыбается и говорит:

– Женья, драстувуй.

Это единственное, что она может сказать по-русски. А английский не знает совсем, хотя её отец говорит на нём великолепно. Рита в своём белом топе из дорогого материала кажется совсем толстушкой, но однажды она сняла топ, чтобы показать, как это женщины ухитряются накрутить на себя девятиметровый кусок материи, и тогда мы увидели, что она довольно изящна.

Рита выходит замуж. Кортёж из четырёх машин направляется в город на венчание в канису. Племя занди католической веры. Жених и невеста впереди в белом крытом лэндровере. За ними движутся микроавтобусы и ещё лэндроверы.

В это время к дому Джозефа Тумбары собираются гости. Тут можно увидеть женщин в длинных вечерних платьях, в нарядных цветных топах, молодые девушки, подруги Риты, в коротких разноцветных платьицах. Все с нетерпением ждут возвращения кортежа с новобрачными.

Проведение свадьбы намечено в клубе на большой открытой площадке, где обычно проходят все крупные мероприятия. Это недалеко от дома. Вокруг площадки собралось уже много народа. Наверное, весь посёлок здесь. Во всяком случае, молодёжь точно вся. Такое событие!

Но вот они долгожданные машины. Из украшенного цветами лэндровера выходит жених в традиционном чёрном костюме. За ним, осторожно приподнимая белое платье, опираясь на поданные руки, выходит Рита. Голову украшает сверкающая корона, завершающаяся сзади прозрачной белой фатой, спадающей на плечи. Высокая пышная прическа совершенно меняет облик Риты. Вместо привычных коротеньких волосиков, заплетенных в малюсенькие косички, высокий парик, в котором девушку и не узнаешь. На руках кольца из слоновой кости.

Она идёт, низко наклонив голову, и кажется грустной. Во всяком случае, увидеть и сфотографировать улыбку на её губах не удаётся. Все уходят в дом. Общий праздник начинается в восемь часов вечера.

Сначала на площадку проводят самых знатных гостей и рассаживают в кресла, расставленные по кругу. Слева помещение клуба. В нём готовится угощение. С другой стороны напротив сделан небольшой деревянный помост, на котором стоят два кресла – места для жениха и невесты. Приехали оркестранты и устраиваются возле клуба. Туда же идут женщины с большими подносами на головах. Мужчины несут картонные коробки с виски, шерри и пивом, жёлтые ящики с пепси-колой, алколой, мериндой.

Стемнело. Вокруг всей площадки уже масса людей. Заканчиваются последние приготовления. Зажигаются гирлянды огней. Все с нетерпением смотрят в сторону дома Джозефа Тумбары. И всё-таки это произошло неожиданно.

Воздух вдруг заполняется громкими вибрирующими криками женщин. Одни голоса стихают, другие подхватывают и перекатываются, разносясь далеко по ночной саванне. Эти крики, напоминающие собой военный клич индейцев, перекрывают звуки аплодисментов, раздающиеся навстречу торжественному шествию молодых в сопровождении родных и друзей.

На Рите длинная белая шаль, конец которой за нею несёт в руках её подруга Халима. Жених и невеста под непрерывающиеся аплодисменты проходят к помосту, поднимаются на него и усаживаются в кресла. Все остальные участники свиты садятся справа и слева от молодых.

Оркестранты приготовились играть. Вышел распорядитель свадьбы и произнес короткую речь, вызвав всеобщий смех и аплодисменты. Затем объявляется танец жениха и невесты. Оркестр исполняет что-то вроде медленного танго. Рита с женихом поднимаются. Халима помогает Рите, подхватив шлейф и поддерживая подругу под руку. Этот танец танцуют только молодожёны и еще одна пара, видимо, свидетели. Следующий танец опять для них, но пары обменялись партнёрами.

Тем временем, сидящим в первых рядах гостям разносят фруктовый напиток. Третий и последующие танцы объявляются общими. Здесь главную роль выполняют девушки, специально для этого приглашённые. Они подходят к сидящим мужчинам, и, остановившись метрах в двух от них, небрежно машут правой рукой в сторону того, кого они приглашают.

Обычно сидящие догадываются, кого имеет в виду подошедшая к ним девушка. Мы же первое время думали, что, если девушка машет в нашу сторону, то, скорее всего, она приглашает кого-то из соседей, и начинали оглядываться по сторонам, пока девушка не обращала на кого-нибудь из нас весьма недвусмысленный сердитый взгляд и не протягивала руку конкретно в сторону приглашаемого.

Впервые мы познакомились с этим странным для нас обычаем, когда приглашают женщины, на вечере по случаю назначения нового мэра города. Тогда нас удивило многое, кроме этого. Приём был организован в саду дома нового мэра. Тоже открытая площадка для танцев. Тоже кресла по кругу и возле каждого маленькая табуретка, на которую позже ставят напитки. И так же первые танцы в честь именитых гостей. Тогда ими были заместитель президента республики, сам мэр города, министры и Джозеф Тумбара. Они и танцевали первые два танца. При этом любопытно, что именитые гости сами приглашают понравившихся девушек. А уж право приглашать на следующие танцы отдаётся женскому полу.

Во время одного танца, на который приглашён был и я, неожиданно погас свет. Надо сказать, что торжественный приём начался в десять часов вечера, хоть официально все приглашались на восемь часов, так что когда погас свет, была глубокая ночь и темень упала на участников приёма. В ту же секунду вдоль всей ограды зажглись карманные фонарики. Это полиция обеспокоенно искала предполагаемых врагов. Ну что ж, беспокойства не были лишены основания. В тех краях ожидать можно было чего угодно. Однако всё в этот раз обошлось благополучно. Свет включили и продолжались танцы.

Между тем принесли и поставили на табуретки миски с кусочками льда, затем виски и пиво. Часов около двенадцати ночи нас пригласили в помещение, где на столах лежала различная закуска. Ели все стоя. Подходили к понравившемуся блюду, отрывали руками кусок мяса, брали овощи или что-то сладкое. На одном блюде лежали кусочки сырой печёнки – национальное блюдо.

Закончив закусывать, пошли опять танцевать. Все танцы, как быстрые, так и медленные исполняются одинаково в виде шейка.

Однажды, сев на своё место, я с ужасом увидел совсем рядом ползущего вдоль стены огромного тарантула. Соседство не из приятных. Но об этом быстро забываешь. Приглашая на танец, девушки бросают на тебя мимолётный взгляд и тут же почему-то отворачиваются, что в общем-то и вызывает сомнения, тебя ли пригласили. Естественно, они не спрашивают «мумкен?», то есть можно ли пригласить, ведь они пришли на вечер специально развлекать мужчин. Может быть, поэтому часто партнёры в парах кажутся оторванными друг от друга и танцующими сами по себе.

На свадьбе Риты, правда, несколько иначе. Тут все хорошо знают друг друга. Танцуют все от мала до велика.

Нам кажется смешным, когда маленькая девочка девяти-десяти лет подходит к солидному директору завода и с самым серьёзным видом машет в его сторону рукой, а тот поднимается и идёт танцевать с нею. Никак не могу к этому привыкнуть, но это факт – танцуют все. Только наши русские дамы никого не приглашают. Но это уже всем известно и местные парни наперебой подбегают к ним, вызывая на танец, не давая ни минуты отдыха.

Танцуют и парни с парнями. Особенно это было заметно, когда вместо классического эстрадного оркестра, состоящего из электрогитар, саксофонов, пианолы и ударника, стал играть народный оркестр. Состав его, конечно, был другим. Вышли три скрипача, аккордеонист, барабанщик и солист, в руках которого был национальный инструмент, напоминающий бандуру. Их появление вызвало у всех бурю восторга. Под несколько заунывную тягучую музыку на площадку выходят почти одни мужчины. Они танцуют сначала сами по себе, по очереди оказываются возле музыкантов и с восторгом щелкают пальцами у них над головами, как бы призывая играть еще эмоциональнее. Затем вприпрыжку идут по кругу, похлопывают друг друга по плечам, берутся за руки и танцуют вместе.

О женихе и невесте давно забыли, да они и ушли уже, а танцы продолжаются до четырёх часов ночи. Только тогда замолкает музыка, всё стихает, и спать можно. Мумкен.

Гринди по-арабски бегемот

Я летел на самолёте и думал, что скоро окажусь в местах, где, куда ни пойдешь, то слона встретишь, то на жирафа наткнёшься. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что даже в посёлке, где нам пришлось жить в нескольких километрах от города Вау, можно сказать, в центре дикой природы никто из зверей по ночам в окна не заглядывает, и ни рычания льва, ни трубящего голоса слона никогда не услышишь. Правда, гиены забредают иногда и своим глухим мычанием вызывают бешеный лай собак. Это сейчас мне известно, что Африку можно наилучшим образом увидеть и услышать не с самолета, и не с машины, а только, если ходишь по ней пешком. Тогда ты и не захочешь, а встретишь кого-нибудь.

Однажды мы ловили рыбу в реке Суэ. Длинные бамбуковые удочки то и дело цеплялись за ветки дерева, свисавшие у нас над головой до самой воды. Клевало хорошо, и у нас даже в мыслях не было, что наверху тоже идёт охота: солидных размеров змея забралась на дерево, надеясь, вероятно, позавтракать птицей. Только, когда один из негров заметил её и закричал магическое слово «дебиб», что означает «змея», мы пулей выскочили на пригорок и потом, забросив рыбалку, полчаса пытались согнать змею с дерева, а когда она прыгнула, наконец, в реку, часа полтора вели с нею сражение в воде, забрасывая камнями.

Однако встрече со змеей радуешься обычно после успешного её окончания и никогда не стремишься к этой встрече. Что же касается бегемотов, то все мы мечтали увидеть их. Тем не менее, наше первое знакомство с водяным великаном произошло совершенно неожиданно.

В феврале река Суэ довольно мелкая. Но там, где мы обычно удим рыбу, она делает изгиб, и в этом месте образуется что-то вроде глубокой заводи. Небольшой деревянный настил на сваях доходит до середины реки. С него мы и забрасываем удочки в мутную, почти неподвижную воду. Температура воздуха в тени тридцать восемь градусов. В небе ни облачка. Вода в реке убывает с каждым днём. Кое-где голубая лента воды совсем сужается и прерывается отмелями, по которым важно ходят длинноногие белые ибисы с чёрными изогнутыми клювами. В тот февральский день мы не знали, что в мае эта спокойная речушка вберёт в себя ливневые дожди и понесётся бурным рычащим потоком, затапливая наш рыбацкий пирс трёхметровой высоты, а позже в сентябре, вырвавшись из берегов, нанесёт неисчислимые бедствия окружающим племенам, губя посевы, хижины, скот.

Тогда всё было спокойно. Вечерело. Клев был слабый. Камис нет-нет да и снимал у меня с крючка то караса, то краснопёрку, то желтопузую рыбёшку, раздувающуюся как шар над водой.

Абдель-фата и Омар уже сворачивали свои удочки, собираясь идти домой. На повороте реки по пояс в воде стояли негр и его сын из племени динка. Они ловили рыбу небольшой круглой сетью, забрасывая её широким размашистым жестом туда, где только что была брошена приманка, накрывая таким образом собравшуюся рыбу. Очень эффективный способ ловли. Пока мы вытаскиваем удочкой одну-две рыбки, они достают из сети десятка полтора крупных и мелких. Но нам кажется такая ловля неспортивной. Кроме того, у нас нет сети, и мы к тому же боимся заходить в воду, где плавают электрические рыбы с внушительным зарядом, всевозможные колючие рыбёшки, которые, попавшись на крючок и пытаясь вырваться из рук, так могут уколоть, что кровь фонтаном захлещет, рыбы с рядами мелких зубов, напоминающих пилы, и прочая нечисть наподобие змей и паразитов.

Мальчишки под пирсом ловят рыбу весьма оригинальным способом. Они опускают в воду среди камней там, где видна плывущая рыба, кусочек лески с какой-то странной приманкой. Когда рыбешка подплывает, они чуть ли не насильно пытаются зацепить её крючком. Самое удивительное, что иногда это им удается, что вызывает в таком случае бурную радость всех мальчишек.

Я люблюсь закатом, как вдруг слышу крики:

– Гринди! Гринди!

Смотрю на центр заводи, куда показывает Камис. Все мальчишки уже на пирсе. Никого на воде не вижу. Бегемот успел скрыться. Но вот в нескольких метрах от того места, где только что стояли рыбаки с сетью, которые теперь спешно вылезают на берег, одеваются и убегают, появляются почти круглые уши, глаза и две ноздри. Раздается п-ф-ф-ф! и два фонтанчика воды вырываются из ноздрей в воздух. Видим только верхнюю часть головы бегемота. Он тоже нас видит и плавно поворачивает голову вправо и влево, осматривая берег.

Пытаюсь почувствовать себя на его месте и рассуждать, наблюдая окружающий мир его глазами:

«Да, конечно, есть прекрасный полуостров, заросший вкусной, сочной травой. Тут можно ночью хорошо попасться, когда не будет этих шумных детей, швыряющих камнями, и любопытных взрослых, глазающих на гиппопотама с высокого берега. А рядом чудесный песчаный пляж, по которому удирают мужчина с мальчиком. Можно принять солнечные ванны, но слишком много людей. Вон какой-то белый в очках и цветастом свитере бежит и всё фотографирует. Можно подумать, голова, скрытая водой, получится на фотографии. Ну ладно, можно высунуться побольше. Где он ещё увидит бегемота? А камни пусть себе летят. Главное, нет ли здесь охотников? Кажется, нет. Что-то мальчишки пристрелялись, нужно сменить место».

Бегемот ныряет, показывая на секунду огромную спину, и через несколько минут п-ф-ф-ф!, фонтанчики взрывают воду в другом месте.

«Вон у кого-то на берегу, кажется, ружье. А нет, это палка. Ею разве что змей колотить, да, в крайнем случае, леопарду хребет перебить можно, если смелый хозяин. А для бегемота это ничто. Вот ружья бы не было. Но не видно. А трава вкусная и много её. Вот и темнеет. Люди забирают удочки, о которых давно забыли, увидев редкого гостя. Все смотрят и гадают, откуда появился гиппо: то ли прошёл рядом с рыбаками не тронув их, то ли с другой стороны, где речка почти пересохла. Ну да им не догадаться. И уход не увидят. А ночью можно и попасться...»

В одиннадцать часов вечера мы подъезжаем к пирсу на лэндровере. Светим фонариками на заросший участок, хотим увидеть бегемота целиком. Но спуститься боимся, а сверху ничего не видно. Прислушиваемся. Кажется, что-то хрустит. Но, может, только кажется. Всё-таки опасно сердить громадное животное. Уж он-то нас слышит, если находится где-то рядом. Выскочит и сбросит нас вместе с машиной. Уезжаем. На другой день известный охотник Сабино утверждает, что гринди был и выходил на берег. Потом ещё несколько дней, вернее, ночей, он жевал траву на нашем участке, но нам на глаза больше не попадался. Кто знает, вдруг пальнут из ружья. Клыки-то, как и слоновая кость, дорогие. Ради них на что только не идут браконьеры. Лучше от людей подальше.

Так и не видел я его больше. Позже встречались мне другие бегемоты, но это уже и рассказ другой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ В СТОРОНЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ

Таинственные холмики

Это правда, удивительно – путешествовать. Кажется всё давно открыто, обо всём написано, фильмы сняты, а как приедешь в новое место, всегда откроешь для себя что-то неожиданное, необыкновенное. Умей только видеть. Я вот сколько раз уже приезжаю на берег Аравийского моря, пожалуй, каждую неделю почти два года, и во всякое появление нахожу для себя что-то такое, чего раньше не видел. Иной человек скажет: «Ну что тут удивительного? Море как море – вода солёная и всё. Ан нет, друзья, не всё.

Море везде разное. Берега Аравийского моря совсем не такие, как у Бенгальского залива, да и берега у Карачи, где я сейчас нахожусь, совершенно не похожи на те, что, скажем у Могадишо или Бомбея. Впрочем, я не собираюсь сейчас сравнивать пляжи и оценивать достоинства того или иного района, ведь сегодня мой рассказ о неожиданных встречах, о таинственных холмиках на песчаном побережье Аравийского моря.

Нет-нет, только не ищите открытий в городе. Цивилизация и первозданная природа пока плохо совместимы. Уйдите километров тридцать-сорок южнее за порт Бин-Касим в ту сторону, куда тысяча двести с лишним лет назад впервые пришли на своих вёсельных кораблях арабские мусульмане-завоеватели под предводительством Мухаммеда-Бин-Касима. Одержав внушительную победу над местными индусами, они построили здесь крепость. Стены её сохранились до сих пор, только подплыть к ним даже на плоскодонке теперь невозможно. Отступил океан, подняв из своей пучины за века многие острова, преграждающие теперь доступ длинным бесконечным гребням открытых вод к некогда грозной неприступной крепости первого в Азии мусульманского города.

Да, земля постепенно поднимается из океанских вод, обнажая новые острова. Известно, что даже Гималайские горы, находящиеся на севере Пакистана, за год «подрастают» на два с половиной – три сантиметра, становясь всё выше и неприступней над океаном. Вот и в районе Банбхорской крепости вылезли лысыми головками острова, преградив путь океанским штормам к древним стенам мусульманской обители. Только сложной системой проливов можно добраться сюда из океанских глубин. Впрочем, это никому не нужно. Порт Бин-Касим принимает грузовые суда, а порт в Карачи – пассажирские.

Старый город был занесен толстым слоем песка и забыт людьми на многие сотни лет, пока в начале этого века не пришли сюда археологи. Но труд их кропотлив и долог, открытия делаются не скоро, и тысячи туристов со всех концов земли не едут пока в этот кажущийся всеми заброшенным уголок земли. Сами пакистанские жители не находят удовольствия в морском купании, поэтому километры и километры песчаных берегов не заполняются весёлыми голосами играющих в воде ребятишек, не покрываются телами загорающих на солнце взрослых. Эти изумительные пляжи пусты. Но давайте пройдем по ним внимательнее и мы увидим, что каждый кусочек незнакомой земли живёт своей жизнью.

Лучше всего появляться здесь во время отлива. Хотя это зависит от того, что вы хотите увидеть. Если у вас есть желание познакомиться поближе с дельфинами, приходите в сильный прилив, когда море добирается до самого подножия крутого берега и, конечно, пораньше, до рассвета. Тогда, едва начнёт светать, и из-за заливка ближайшего острова вдруг плеснёт в небо красной разливающейся краской восходящих лучей солнца, вы можете увидеть совсем рядом в воде, всего в двух-трёх метрах от вас мощные спины дельфинов. Они плывут парочкой, а то и целой стаей, показываясь и тут же прячась под водой. Днём их тоже можно увидеть, но значительно дальше. К людям они ещё не привыкли и опасаются приближаться. Крупные акулы не любят мелкие воды, да и с дельфинами отношения у них напряжённые, поэтому мы их здесь ни разу не видели. Что же касается других обитателей местных пляжей, то их всё же лучше наблюдать в отлив.

Приливы и отливы для океанских берегов дело обычное. Два раза в сутки море наползает на песок, поднимаясь иногда на три метра, а то и выше и дважды уходит восвояси, обнажая огромные площади, кишашие жизнью. Вот улитки – круглые завитушками и остренькие, как колпачки, на спрятанных под панцирями ножках бегут, торопятся за уходящей водой. А как же? Съедят ведь, если останешься на суше, или высохнешь от палящего солнца.

Другое дело крабики. Маленькие, проворные, с одной главной клешней больше них самих по размеру, они всегда могут спрятаться от опасности в любую из сотен маленьких отверстий, которыми усеян весь берег. Как только по песку идёт человек, утопая по щиколотки в ещё не затвердевшей жиже, или летит, приближаясь, птица, крабики немедленно исчезают в своих норках, но стоит врагу слегка удалиться, как тут же словно расстелили тканый ковёр с узорами: неожиданно то там, то здесь появляются сначала осторожно десятки клешней из земли, а затем выползают и сами их обладатели, ярко выделяясь своей белизной на сером ещё от воды песке. Недолго удаётся погреться на солнышке, так как кто-нибудь да появится снова поблизости, вынуждая маленьких пляжников быстро ретироваться в тесные песочные домики. Так и живут они, то выползая, то прячась, до наступления прилива или ночи. А там другой режим.

Кое-где длинными морщинками тянутся по песку бороздки. Это морские черви уползают вдогонку за морем, оставляя непрерывный след. Иногда вы можете успеть увидеть их, растягивающиеся шнурками чуть ли не до полуметра. Им опаздывать уж никак нельзя. Без моря они сразу высохнут под беспощадным солнцем. Тропики-то начинаются совсем рядом, не более ста километров отсюда, и температура летом в тени, даже охлаждаемая морским дыханием, поднимается до сорока пяти градусов. Как же тут выдержать такому червю? Если же морщинка в песке пошире – не иначе, как перед вами проползла, успешно скрывшись от глаз наблюдателя, ядовитая, но пугливая змея. Не любит она встреч с человеком.

Уходя, море оставляет за собой множество солёных луж и озёр в небольших впадинках и ямках. Солнечные лучи попадают в них и отскакивают яркими прожекторами. Хочется увести глаза в сторону от нестерпимого блеска одной из лужиц, но сверкающий прожектор неожиданно рассыпается на сотни, тысячи маленьких искорок. Что случилось? А всё очень просто – незамеченное вами чёрное существо плюхнулось в воду, скрываясь от человека, и разбило её гладкую зеркальную поверхность.

Посмотрите внимательнее вперёд подальше и заметите, что там, услышав ваши чавкающие шаги, буквально скачут по мокрому песку десятки рыбок не рыбок, но очень похожих на них существ. Туловище гладкое заканчивается рыбьим хвостом плавником, ещё два плавника по бокам у самой головы, которые на суше служат своеобразными ногами, ну так, как у тюленей лапы, только тюлени огромны, а эти морские животные в лучшем случае займут по длине ладонь, а в большинстве своём, конечно, меньше. Опираясь на плавники и отталкиваясь хвостом, «чёрт», как мы его тут называем за чёрный цвет, относительно большую пучеглазую голову и необыкновенную юркость, может быстро передвигаться прыжками и, найдя первое же соответствующее его размеру отверстие в песке с лужей или без, мгновенно скрывается в нём и, пробравшись скрытыми ходами, вылезает в другом месте, поближе к морю, и вот уже он мчится к воде, чтобы уйти на секунды вглубь. Долго под водой он находиться не может, и потому скоро можно увидеть его, торопливо плывущим к берегу.

Зацепившись за дно плавниками, он выставляет голову из воды, отдыхая и наблюдая жизнь мелкими бусинками глаз. С приближением опасности вновь скрывается под воду и может даже отплыть от берега, но очень недалеко. Если же пытаться гоняться за ним по воде, то он точно юркнет от вас в сторону и зароется незаметно в песок, где уж никак не найдёшь его.

Иногда эти чертята, которых, впрочем, местные жители называют «джига», собираются стайками у самой кромки воды, выставляя на воздух длинный ряд чёрных головок. Это случается в сильный прилив, когда всё пространство песчано-илистого берега с многочисленными

норками-ходами залито морем до самых крутых откосов берега. Тогда самым большим любителям отливов, его постоянным обитателям приходится безропотно ждать, когда океан, накатившись на берега, выдохнувшись, начнёт откатываться обратно. Океан словно собрался в огромном блюде земли, которое качается чьей-то искусной рукой, переливая содержимое от одного края к другому, создавая на одном краю приливы, на другом отливы и наоборот.

Но вот мы приближаемся к нашему любимому песчаному пляжу. Он несколько полого спускается к морю, поэтому на нём не задерживаются воды, не отстаивается ил, зато постоянно намывается песок, делая этот небольшой кусочек берега прекрасным местом для отдыха, где можно полежать на горячем песке, не боясь поцарапаться острыми раковинами, которых полно на более ровных илистых побережьях, и не испачкаться морскими наносами и отложениями. Здесь можно поискать красивые морские ракушки.

Заходя в чистую волну, не удивишься, обнаружив у самых ног стайки длинных узких или напротив круглых и плоских рыб, поймать которые, разумеется, не удастся, хоть они совсем рядом. Там, где пляж, вылезая из моря, упирается в крутую стену берега, растут небольшие кустики с широкими круглыми листьями. Это крайняя граница, куда может добраться во время прилива море. Сейчас оно отступило и можно ложиться загорать.

Но что такое?

На нашем пляже беспорядок: целая вереница песчаных холмиков выстроилась вдоль берега. Аккуратные остренькие колпачки песка и возле каждого по одному весьма приличных размеров отверстию, привлекающему загадочной чернотой. Кто там спрятался? Что за архитектор?

Рассматриваем холмики поближе. Между ходом в песок, а это, конечно, норка, и холмиком на песке словно царапины. Такое впечатление, что кто-то лез и задними лапками песок отбрасывал – вот он и собрался в холмик. Стало быть, это не змеиная нора и потому уже не так страшно. Но кто же тогда? Хорёк? Их здесь нет. Выдра? Она тоже у реки водится. Может, черепаха? Но она больше и, откладывая яйца в песок, сама в него не зарывается.

Несколько дней, приходя сюда к холмикам, перебирал я в памяти всяких четвероногих грызунов, но ни один не подходил либо размерами, либо своим образом жизни. Ну, разве можно устраивать жилище в песке возле самого моря, которое вот-вот может добраться сюда и залить?

– Стоп, – сказал я друзьям однажды. – Тот, кто построил себе здесь дом, наверняка знает о море и не боится его. Почему бы не залить норку водой сейчас, словно оно уже пришло? Тогда, быть может, обитатель норки появится?

Идея всем понравилась. Снимаем с голов резиновые шапочки для купания, набираем в них воду и начинаем заливать отверстие. Принесенное нами море пенится, заполняя чёрный ход, и готово вылиться на песок нам под ноги, как вдруг что-то хлопнуло, будто открылся клапан, и вся вода, урча, резко ушла вниз, а вместо неё, быстро перебирая лапами, прямо на нас выскочил огромный краб. Наша затея ему не пришлась по вкусу. Воинственно подняв клешню, он храбро кинулся к моей босой ноге.

От неожиданности я отскочил, а ему только того и надо было. Бочком-бочком, с поднятой одной клешней, готовой отразить нападение, смелый воин теперь сам обратился в бегство. Не успели мы опомниться от неожиданности, как её главный виновник уже скрылся в волнах. Вот кто, оказывается, прятался в норках таинственных холмиков. Вот кто их построил.

Так и запомнили мы этот приход на пляж, как день открытия тайны наших таинственных холмиков. Возвращаясь, мы видели, как обычно по обезвоженному участку берега бродит рисовая цапля, вся почти чёрная с белым галстуком на длинной шее. В самой воде, постоянно смотрясь в море, как в зеркало, не спеша прохаживается её родственница серая цапля, значительно красивее и богаче своим празднично белым одеянием. Да она и постройнее рисовой цапли.

Когда хочешь приблизиться к серой цапле, она сначала подпускает тебя, а потом начинает потихоньку удаляться, кося назад глазами, осторожно поднимая и высоко переставляя красивые длинные ноги. Бывало, что она позволяла мне долго идти с нею в одном направлении, только она по воде, а я по берегу. Щёлканье моего фотоаппарата её не очень беспокоило, но стоило мне однажды сделать неосторожно ещё шаг поближе к ней, и птица беспокойно повернула голову в сторону моря, распахнула крылья и вот уже бежит, разгоняясь, и несётся по воздуху, выгнув вперёд шею, сложив ноги назад, а по воде расходятся круги от того места, откуда она оторвалась в спасительный полёт.

Встречаются в здешних местах и красивые с оперением пепельного цвета соколы, за которыми охотятся браконьеры. Эти птицы-охотники стоят дорого, но отлов их запрещён.

Над морем, как и везде, носятся белые чайки и чёрные длинноносые бакланы. А как-то по пути на пляж я увидел вдали большую белую птицу и не поверил, что это цапля. Приготовив аппарат на всякий случай, стал медленно приближаться к ней, стараясь осторожно без шума вынимать ноги из вязкой грязи.

Однако крылатая невеста в белом оперении, разумеется, давно заметила моё приближение, но ещё не осознала, чем это ей грозит, и потому стояла спокойно. Расстояние между нами сократилось метров до пятнадцати, и теперь я отчетливо видел, что передо мной не цапля. Она была значительно выше, красноватые ноги стройнее, большой толстый клюв загнут. Не веря своим глазам, я хотел приблизиться ещё, хотя видел, что птица беспокойно поворачивает голову. Цапли подпускали значительно ближе. Но эта птица дорожила собой больше. И было отчего.

Я сделал ещё шаг и провалился в илистую грязь по самое колено. Попытавшись вытащить ногу, увяз и второй. Безнадёжно смотрю вперёд. Вылезать некогда. Объект моих съёмок не ждёт. Её крылья развёрнуты, и в глаза мне плеснуло розовым цветом, словно опять заалел восход солнца на синем небе. Да, это была птица фламинго, уносящая своё пламя ввысь.

Сфотографировать её не удалось. Посмеялся надо мной обманчивый морской берег. А встретить фламинго на море – большая редкость. Во всяком случае, второй раз мне не пришлось. Это был один день, который я назвал днём фламинго. Потом были другие.

Например, день летящих колючек, когда ветром по всему берегу разнесло колючки с кустарников. Эти колючки, собственно, являются семенами, из которых вырастают новые кусты. А наступать на колючки босиком очень неприятно, так что в этот день или дни лучше ходить по берегу в обуви. К счастью, это происходит раз в год.

Вспоминается день встречи с верблюдами, которые важно и независимо шествовали мимо нас, не проявляя ни малейшего интереса к незнакомцам. Лишь маленький верблюжонок, любопытный, как все дети, направился прямо ко мне, чтобы сунуть свой нос в фотоаппарат. Ну что ж, видимо, и животный мир хочет идти в ногу со временем, и молодёжь его не чуждается техники.

За днём встречи с верблюдами следовали день зелёных маленьких попугаев, день атакующих крабов, день штормового ветра, песчаной бури, день археологических находок, штилевой погоды и много других не менее интересных дней. Но с особой теплотой и радостью я вспоминаю день таинственных холмиков, потому что он оказался самым неожиданным.

Карачи город Калачи

Название города непонятно. Но если бы читатель поехал на экскурсию по этому чрезвычайно запутанному городу, то ему могли бы рассказать историю, как когда-то в давние-давние времена, когда в этих краях и близко ещё не было арабов, жила в маленькой рыбацкой деревушке красивая девушка по имени Калачи. То, что она была красива – это одно, а то, что умела прекрасно танцевать – совсем другое.

Сотни рыбаков из других деревень, пилигримы, путешественники, поэты и бродячие музыканты добирались сюда, чтобы только посмотреть, как танцует их любимая красавица Калачи. И когда собирались пойти или поехать к ней, то говорили: «Я к Калачи». Так и закрепилось это имя за деревушкой, которая стала постепенно расти, но только в середине прошлого века, благодаря появлению английского путешественника Ричарда Фрэнсиса Бёртона, перенёсшего столицу тогдашнего Синда из Хайдарабада на берег океана, Калачи превратилась в громадный город, произносимый, быть может, с тех самых пор Карачи.

Второй по значению город Пакистана, бывший его столицей до 1965 года, когда закончили подготовку Исламабада к приёму столичного титула, занимает второе место в мире по числу дорожно-транспортных происшествий и первое по числу их смертельных исходов. Причина не в том, что здесь не умеют ездить – водители довольно опытные, как и во всех крупных городах мира – и не в том, что улицы узкие – есть немало широких, если не проспектов, то трасс, проходящих по городу – причина в перенаселённости людьми и транспортом. И это первое, пожалуй, что бросается вам в глаза. Но не только это.

Как-то апрельским днём частный микроавтобус нёсся на большой скорости, обгоняя другие машины, не обращая внимания на красный глаз светофора, кричащего своим оком об опасности трагедии. И она свершилась. Две девушки, спешившие на занятия в расположенный рядом женский колледж, внезапно оказались под колёсами автомобиля на самом переходе в то счастливое время, когда для них горел зелёный свет. Одна из двух умерла мгновенно. Шедшие с ними, но оказавшиеся более удачливыми, подруги сквозь стоны и плачи стали требовать наказать виновного водителя. К девушкам стали присоединяться другие студенты.

Прибывшая к месту происшествия полиция, решив быстро покончить с инцидентом, начала разгонять собравшуюся и бушующую гневом молодёжь дубинками и слезоточивым газом. И этот порядок по-пакистански никого не удивил, ведь всем здесь известно, что владельцами микроавтобусов в Карачи в основном являются высшие полицейские чины, чем и объясняется безнаказанность их водителей, совершающих преступления.

И, тем не менее, в этот раз весь город взбунтовался: двое суток улицы Карачи находились, словно в осадном положении, переворачивались и сжигались частные автомобили, разбивались камнями стёкла автобусов, попутно громились банки и магазины, навстречу пулям и дымовым пашкам полицейских с крыш домов и из-за стен летели кирпичи. Группы молодых парней применяли тактику внезапных налётов с быстрым отступлением. Начались настоящие уличные бои.

Каждые две минуты в госпиталь университетского района Лаликобада поступали раненые и убитые. Среди них оказался один из блюстителей порядка. В поисках него озверевшие полицейские ворвались в госпиталь, избili возмущившихся их поведением врачей, заперли медицинский персонал в одной из комнат и бесчинствовали в палатах.

Для наведения порядка в город ввели войска. Но почти месяц в отдельных районах Карачи сохранялся комендантский час. К смерти одной девушки, вызванной халатностью водителя, добавились сотни убитых и раненых в столкновениях с полицией.

Одному студенту из тех, кто швырял камни в охранников порядка, задали вопрос:

– Почему столь нередкий для Карачи с его восемью миллионами населения, города, по улицам которого носится почти шестьдесят процентов транспорта страны, случай попадания человека под машину вызвал такую бурную реакцию?

И он ответил:

– Разве дело в смерти одной девушки? Мы поднялись с протестом в защиту тех, кто жив, против произвола полиции, против равнодушия правительства к условиям нашей жизни, против военного режима, не позволяющего судам быть справедливыми, против банков, которые помогают только богатым, против владельцев магазинов, обманывающих и грабящих народ. Мы были против сегодняшнего правительства. Да и не мы одни.

Минуя высокие плоскокрышие здания, мечети с острыми шпилями минаретов, монументы и памятники, торговые ряды, набитые сидящими прямо на земле продавцами и снующими между ними покупателями, объезжая выбегающих почти на середину дороги мальчишек с пачками свежих газет в руках и хромающих на костылях калек, сующих в окна легковых автомобилей богачей обнажённые обрубки рук за подаванием, по улицам Карачи неторопливо едет открытый джип, позволяя обгонять его тойотам и крессидам, лэндроверам и сузукам. На двух боковых скамейках кузова с касками на головах и автоматами в руках, в зелёных формах несколько темнее цвета национального флага страны, сидят солдаты. Лица напряжены от тревожного ожидания. Посередине между рядами сидящих на специальном возвышении установлен пулемёт. Ствол его, поворачиваясь время от времени, легко проходит над головами солдат, а пулемётчик весь во внимании за тем, что находится под его прицелом.

Машина с вооружённым до зубов подразделением проезжает под раскинувшимся над улицей широким белым транспарантом. Горячий ветер порывами тщетно пытается сорвать крепко прикреплённое полотно, и оно хлопает громко, привлекая звуком к себе внимание прохожих. В минуты слабости ветра плакат провисает и тогда можно понять, что на нём нарисована большая керосиновая лампа – символ одного из наиболее вероятных кандидатов в национальную ассамблею Пакистана.

Таких транспарантов, как вы легко замечаете, на улицах великое множество. На обшарпанных стенах домов, легковых автомобилях, автобусах и грузовом транспорте бросаются в глаза изображения пакистанского берета, ножниц, чайника, топора, велосипеда и других хорошо известных каждому простому пакистанцу предметов быта. Всё это символы разных кандидатов. В стране проходят выборы в национальную и провинциальные ассамблеи. Восемьдесят процентов населения за почти сорокалетний период самостоятельного развития страны после освобождения из-под английского господства так и не стали грамотными, поэтому во время голосования им по-прежнему нужны символы кандидатов. Вопрос только в том нужны ли такие выборы? Но кто их спрашивает?

Вообще выборы и то, как они проводятся в стране – это зеркало всей жизни. Посмотрите, что было в Советском Союзе во время выборов. Они характеризовались... кто-то немедленно скажет: «отсутствием демократии». А давайте не будем спешить с выводами. Откроем окно нашей квартиры в день выборов.

Миллионы людей, это обычно девяносто восемь или девяносто девять процентов зарегистрированных избирателей, идут к избирательным участкам празднично одетыми семьями, с улыбками, посмеиваясь над тем, что сами иногда не знают, за кого идут голосовать, но идут и голосуют. Тысячи избирательных участков встречают их пионерами, отдающими при встрече салют. В холлах школ или дворцов культуры, где обычно организовывались участки, висят программы мероприятий в день выборов: концерты самодеятельности, выступления профессиональных артистов, кинофильмы, лекции, встречи с интересными людьми, песни и танцы, и уж, конечно, буфет с пивом, шампанским, водочкой и бутербродами с красной икрой, а для детей конфеты и мороженое. Да, на выборы шли с детьми. Праздник есть праздник для всех. Больных объезжали по домам с урнами. Сколько же людей по всей стране в больших и малых городах,

в деревнях и посёлках совершенно бесплатно занимались организацией выборов, обходя дом за домом, квартиру за квартирой, чтобы всё-таки каждый знал кого, когда и зачем выбирают?

Хорошо, пусть не всегда люди знали своих кандидатов. Не делали они выбор из десятков одного. Пусть это не казалось демократичным. Тут было над чем подумать и исправлять. Но люди верили, по крайней мере, в то, что выборы не дадут ухудшений в их жизни, что завтра они так же придут на работу, а послезавтра получают за неё зарплату. Это казалось неизбежным, стабильным, непоколебимым. Почти каждый год кого-нибудь выбирали, почти каждый год – это были праздники.

За почти сорокалетнюю историю независимости Пакистана это были третьи по счёту выборы гражданского правительства. До этого, правда, первые всеобщие выборы прошли в 1965 году, но избранником оказался адмирал Мухаммад Айюб-хан, который вскоре ввёл военную диктатуру. Первые гражданские выборы состоялись в 1970 году, после которых всего через три месяца кабинет министров был распущен, политические разногласия привели в конце года к военному конфликту, президент Яхья-хан вынужден был подать в отставку, передав правление Зулфикару Али Бхутто, новое государство Бангладеш откололось от Пакистана.

Следующие выборы имели место в марте 1977 года. На избирательные участки пришло шестьдесят процентов избирателей. Почти шестьдесят процентов из них проголосовало за партию пакистанского народа во главе с Зулфикаром Али Бхутто, человеком, осуществившим за шесть лет правления немало демократических преобразований, ослабившим влияние ислама, укреплявшим государственный сектор экономики, одновременно поощряя частное предпринимательство. Страна вышла за эти годы из тяжёлого экономического кризиса, оживлённее стало в торговых рядах и производственных цехах, профсоюзы, получившие больше прав, вздохнули свободнее, появилось бесплатное лечение и учёба для бедных, женщина впервые стала снимать с головы паранджу.

Но, терпевшие крупные убытки большие денежные мешки не соглашались с такой постановкой жизни и, спустя не более четырёх месяцев после выборов, пятого июля 1977 года, произошёл военный переворот, к власти пришли опять военные, возглавляемые генералом Мухаммадом Зиёй уль-Хаком. Не прошло и двух лет, как он по-военному обезглавил своего противника Бхутто, возвратил исламские законы, запретил женщинам открывать свои лица, запретил партии, учредил военные суды, ввёл публичные телесные наказания, объявил себя президентом, но и главным командующим войсками.

Следующие выборы состоялись лишь весной 1985 года. Однако нынешний генерал-президент решил учесть ошибки своих предшественников, и для того, чтобы выборы завершились в строгом соответствии с его желаниями, подготовка к ним велась тщательно в обстановке полной секретности, прячущейся за многочисленными рекламными выступлениями президента.

Первой его предвыборной задачей было убедить народ в том, что тот хорошо живёт. И президент начал неустанно повторять со светящихся телевизионных экранов – этих умелых гипнотизирующих лгунчиков, что Пакистан – самая образцовая страна Азии, и никто из его людей не ложится спать голодным.

Ну, несомненно, президент прав, особенно в последнем – разве можно считать человека голодным, если ему удалось в этот день съесть чапати. То бишь лепёшку хлеба? А если не удалось, и человек умер, то тем более он не ляжет уже спать голодным.

Президент утверждал, что именно сельское население стало жить лучше, и никто теперь его не эксплуатирует. И с этим можно было бы согласиться, если закрыть глаза на то, что во многих деревнях по всей стране нет школ, больниц, электричества, водопровода, а в глиняных лачугах без окон ютятся семьи из десяти человек, детям которых предоставлена единственная радость – вывалиться в пыли и выкупаться в мутном озере, из которого пьют воду до и после стирки белья в том же водоёме. Разумеется, не у всех так плохо. Есть деревни, где имеются колодцы, порой один на пятьсот домов.

Фермеры, которым принадлежат эти земли, страдают не очень, поскольку сами живут в городах, лишь изредка наезжая, чтобы забрать свои две третьих урожая, да распределить оставшуюся одну треть прибыли на десяток другой крестьян.

Розовые очки, которые президент пытался надеть на телезрителей и радиослушателей, не могли сделать людям сладкий хлеб из горького, большую зарплату из маленькой, не могли заставить дула автоматов казаться розами в руках цветущих улыбками солдат.

Но президенту хотелось выглядеть демократом. И он решил легализовать своё президентство, заручившись поддержкой народа. С этой целью был проведен всенародный референдум, на котором был предложен довольно сложный вопрос, суть которого сводилась к двум вопросам: Первый – «Нравится ли проводимая в стране политика исламизации?» И второй – «Хотите ли передачи власти гражданскому правительству?»

Хитрость заключалась в том, что один вопрос исключал собой другой, так как именно проводимая в стране военными насильственная исламизация не нравилась народу, стало быть, тут хотелось сказать «нет», и он, конечно, хотел передачи власти гражданскому правительству, то есть тут хотелось сказать «да», но ответ на эти два вопроса, записанных в бюллетене, требовался лишь один: «да» или «нет». Последнее, как справедливо отмечала пакистанская пресса, было явно исключено, так как все хотели перехода к гражданскому правительству. Так что фактически все и ответили «да». Но главный подводный камень, заложенный в мутные воды этой политической махинации, заключался в том выводе, который делался по результатам референдума. Положительный ответ на поставленные вопросы, оказывается, означал избрание Мухаммада Зия уль-Хака президентом страны на пять лет. Вот уж поистине, как говорят на Руси и Украине: в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Многим такая выходка самозванного президента не понравилась, а потому, не смотря на выставленные на показ дула пулемётов и автоматов, на референдум пришло менее сорока процентов населения, но это не помешало власти торжественно заявить, что народ избрал своего президента.

Теперь были объявлены выборы в национальную ассамблею. А дабы они прошли спокойно, лидеры оппозиции, выступавшей за отставку президента, арестовывались сроком на девяносто дней, время достаточное для проведения выборов. 25 февраля, на месяц раньше намечавшегося дня, в восемь часов утра они начались, так называемые, выборы.

Более тысячи кандидатов оспаривали двести девять мест в руководстве страной. Далось это им не дёшево. Кому-то пришлось продавать свои земли, кому-то искать другие источники, чтобы оплатить предвыборные расходы. Но овчина стоила выделки, и деньги щедро платились за рекламу собственной личности, транспортные расходы избирателям в день голосования, проведение вечеров знакомства с бесплатным чаем и угощениями потенциальных избирателей. И, наконец, деньги платились наличными за каждый голос.

Некоторые кандидаты рассылали письма с приглашением на избирательный участок и вкладывали в конверт новенькие ассигнации достоинством в десять и более рупий. Иным платили в день выборов, на избирательном участке. Политикой интересовались далеко не все, но многим хотелось получить деньги даром. Они приходили, брали с деньгами бюллетень и подставляли большой палец для нанесения краски, чтобы оставить им свой отпечаток вместо подписи, которую не мог поставить ввиду полной неграмотности. Но иной из неграмотных в части письма, оказывался очень грамотным в том, как получить лишние деньги. Проголосовав за десять рупий один раз, он подходил за второй десяткой, подставляя теперь большой палец другой руки, или тот же самый, но вымытый бензином за углом избирательного участка.

Находились и более изобретательные способы заработка в день выборов. Избирателю нужно было проявить небольшую ловкость рук и, обманывая наблюдателей, опустить в урну для голосования вместо бюллетеня чистый лист бумаги, после чего подойти к кандидату с бюл-

летенем, в котором уже проставлен штамп против его символа, и тут уж просить от будущего властителя, сколько получится. Как говорится: деньги на бочку и мой голос будет твой.

Но так поступали, конечно, не все. Большая часть населения просто не участвовала в выборах. Часть возмущалась, выходя на демонстрации, поджигая избирательные участки. В ответ по всей стране в крупных городах Лахоре, Равалпинди, Пешаваре, Карачи, Хайдарабаде дымились шашки со слезоточивыми газами, избивались и расстреливались демонстранты, производились аресты. А в это время президент, встав своим изображением в экран телевизора, говорит без тени смущения:

– Я доволен ходом избирательной кампании. Выборы проходят относительно спокойно и выше моих ожиданий – хорошо.

Проезжая по одной из широких улица Карачи, вы можете увидеть три не совсем обычные колонны, водрузившиеся в центре площади посреди зелёной клумбы. У оснований колонн хорошо заметны три слова, символизирующих главные идеалы пакистанцев: «Unity», «Faith» и «Discipline», а если перевести, то: «Единство», «Вера» и «Дисциплина». Но, по словам самих же жителей этой страны слово «Единство» потеряло смысл с выделением бенгальцев в отдельное государство и стремлением других регионов сделать то же самое. Вера в аллаха, конечно, ещё есть, а в государство давно пропала. Что же касается дисциплины, то её никогда не было, и она вряд ли появится. Так что эти колонны остаются всего лишь памятником несбывшихся мечтаний политиков.

Когда есть время и желание, гостей Пакистана направляют по улице Мухаммеда Али Джинны к его мавзолею. Здесь никто не спорит, оставлять ли на центральной площади мавзолей, в котором покоится прах человека, чьи идеалы никогда не были воплощены в жизнь. Он был основателем и духовником Пакистана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.